

И. КЛЕЙН

**ДЕРЗКИЙ «MONSIEUR K*»:
О «ПИСЬМАХ
РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н. М. КАРАМЗИНА***

Карамзин вернулся в Россию из большого путешествия осенью 1790 г. Как пишет его биограф, на пути из Кронштадта в Москву он навестил в Петербурге Державина, находившегося тогда на вершине своей поэтической славы, и предстал перед ним щеголем — «в модном фраке, с шиньоном и гребнем на голове, с лентами на башмаках».¹ Нет оснований сомневаться в этом эпизоде, но даже если он придуман, то придуман хорошо, поскольку в «Письмах русского путешественника»² везде прослеживается желание автора удивить читателя, поразить и даже шокировать его.

Само собой разумеется, что при таком прочтении «Писем» следует учесть ожидания и привычки тогдашней публики. Какие-то черты этого произведения, которые не удивили бы западного читателя, должны были казаться новыми и странными в России 1790-х гг. Это относится прежде всего к языку, близость которого к разговорному стилю способствовала не только большому успеху «Писем», но и вызвала горячие споры.³

* При переводе данной статьи с немецкого мне помогала И. А. Паперно. В. Фреде я обязан за ценные советы.

¹ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2. С. 168.

² См.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. Это издание цитируется в дальнейшем указанием номера письма и страниц в скобках.

³ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в русской культуре // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника... С. 582—605.

Однако Карамзин не оправдал ожиданий читателей не только в языковом отношении. Под прикрытием чувствительного стиля мы обнаруживаем у него многочисленные нарушения тогдашних конвенций и норм. Это относится к петровскому этосу службы и государственной пользы не менее, чем к традиционной морали, к принципам сословной иерархии и к пониманию таких высоко-нравственных понятий, как патриотизм и историческое величие. Имеет место своего рода переоценка ценностей. Все это не всегда обходится без щегольской фривольности. Правда, в письме 67 Путешественник любуется пасторальной невинностью молодой четы (139—140) и в письме 57 он хвалит старосветскую нравственность цюрихских бюргеров (119—120). Однако он в то же время способен смотреть на «*нимф радости*» в Париже с симпатией и не без внимания к их продажным прелестям.⁴ Но несмотря на отдельные места этого рода, в «Письмах» превалирует в целом, как мы еще увидим, другая — вполне серьезная — установка на новое и неожиданное не только в нравственном, но и в политическом отношении.

Наперекор петровскому этосу

Интерпретируя «Письма» с такой точки зрения, мы можем опереться на наблюдения Ю. М. Лотмана, и особенно на его анализ того, как Путешественник осмысляет свое путешествие.⁵

⁴ Письмо 95 (216), курсив автора; ср. также упоминания о «Цирcee» (220) и «жрицах венефиных» (230).

⁵ См.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 57—59. Отметим, кстати, что автор проводит здесь терминологическое различие между Карамзиным как автором «Писем», с одной стороны, и Путешественником как его повествователем, с другой (Там же. С. 17—29). Правда, Лотман утрирует это различие, выстраивая предполагаемый «настоящий» маршрут Карамзина (критику см.: *Gellerman S. Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les «Lettres d'un voyageur russe» // Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavishe Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt/M., 1991. S. 73—90*). Противоположная точка зрения абсолютной фактической достоверности «Писем» представлена в: *Panofsky G. S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010*. Однако исследовательница не замечает, что в «Письмах» имеются и расхождения с действительностью; см. комментарий Лотмана в: *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника... С. 668—669; Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011. P. 97—116*. Вслед

Отрица петровский этос службы и государственной пользы, Путешественник предпринимает свою поездку отнюдь не для приобретения солидных знаний и полезных навыков. Его путешествие должно иметь совсем другой, не утилитарный характер: оно призвано служить внутреннему обогащению личности; говоря словами наших дней, это не командировка, а Bildungsreise.⁶ Путешественник формулирует эту концепцию с вызывающей прямотой в письме 34, где речь идет о его пребывании в Веймаре и о разговоре с К. М. Виландом. Автор говорит в этой беседе, что предпринял свое путешествие «единственно для того, чтобы собрать некоторые приятные впечатления и обогатить свое воображение новыми идеями» (76). Заходит разговор также о его будущих планах: после возвращения на родину Путешественник хочет «жить в мире с Натурую и с добрыми <людьми>, любить изящное и наслаждаться им» (там же).

Это высказывание не так банально, как может показаться. Что именно имеется в виду, явствует из последнего — 159-го — письма Путешественника, написанного уже из Кронштадта. Существуют две версии этого письма. Вторую — более длинную и более интересную — находим не в книжном издании «Писем», а в одном номере эмигрантского журнала «Le Spectateur du Nord», вышедшего в октябре 1797 г. в Гамбурге, далеко от российской цензуры (которая стала после Французской революции и особенно при Павле I очень придирчивой). Эта вторая версия написана по-французски и входит в состав «Lettre au Spectateur sur la littérature russe».⁷ Здесь читаем, что Путешественник желает трудиться после возвращения в Россию «на поприще лучшего из искусств — искусства слова...» (456). Значит, он хочет стать писателем, т. е. посвятить себя профессии, которая не бытовала

за Лотманом следует также учесть, что «Письма» носят автобиографический характер: это становится совершенно ясным, если вспомнить швейцарский путевой документ, выданный «Monsieur K*, agé (так! — *И. К.*) de 24 ans, Gentilhomme Russe» (письмо 87: 190). В таких текстах следует считаться с определенной мерой автостилизации. Карамзин мог, например, скрываться за образом своего Путешественника от упреков в политической неблагонадежности, что было особенно удобно, когда речь шла о Французской революции.

⁶ Подробнее см.: *Клейн И.* «Искусство жить» у Карамзина. («Письма русского путешественника») // Художественный перевод. Сравнительное изучение культур. (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 242—245.

⁷ См.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника... С. 456—463; русский перевод названной статьи, осуществленный Ю. М. Лотманом, см.: Там же. С. 449—456.

в России XVIII в.,⁸ где писательская деятельность воспринималась как форма праздности. Ей можно было отдаваться только в свободное от службы время; это было хобби, которое отличалось от травли зайцев или игры в карты только своей культурной утонченностью.

Желая сделать литературное творчество главной деятельностью своей жизни, Путешественник в своем письме в «Зритель» подвергает петровский этос службы резкой критике: «Пусть другие гоняются за состоянием и чинами; я презираю роскошь и те пустые знаки различий, которые ослепляют чернь» (456). Путешественник отрицает принцип иерархического строя русского общества; неудивительно, что это место отсутствует в официально допущенном издании «Писем».

Эти мысли Путешественника как будто иллюстрируются в письме 73, где он рассказывает о графе Г. К. Разумовском, эксцентрическом сыне крупнейшего вельможи императорского двора. Разумовский живет уже давно не в Петербурге, а в Лозанне, отказавшись «от чинов, на которые знатный род его давал ему право». Изучая швейцарскую природу, он живет «в тишине, трудится над умножением знаний человеческих в царствах Природы и делает честь своему отечеству» (149). Путешественник оправдывает эту жизнь, как видим, патриотизмом, который реализуется не на государственной службе, а в деятельности частного человека.⁹ Та же мысль появляется в письме в «Зритель» при высказывании Путешественника о своей будущей жизни как писателя: «<Я> хочу быть полезным моей родине; я хочу быть достойным уважения публики» (456).

Своим пониманием патриотизма Путешественник бросает тень сомнения на *raison d'être* российского дворянства, которое

⁸ См.: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII века // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 105—120; Jones W. G. The Image of the Eighteenth-Century Russian Author // Russia in the Age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga. London, 1990. P. 57—74; Serman I. Z. Le statut de l'écrivain au XVIIIe siècle // Histoire de la littérature russe. Des Origines aux Lumières. Paris, 1992. P. 681—689; Клейн И. Поэт-самохвал: «Памятник» Державина и статус поэта в русской литературе XVIII века // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 498—520.

⁹ Ср.: «Не случайно именно в сфере независимого интеллектуального творчества возникает новое понимание патриотизма, свободное от мысли о государственной службе» (См.: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 171).

было исстари дворянством служивым и само именно так видело себя.¹⁰ Главной детерминантой в иерархии этого общества было не происхождение, а чин — место в петровской Табели о рангах. Безграничное чинопочитание было типичным, впоследствии часто высмеиваемым признаком русской жизни, и не только в XVIII в. Е. Н. Марасинова по праву называет чин «фетишем»: для некоторых современников он являлся не только социальной, но и нравственной ценностью — чем выше чин, тем лучше человек.¹¹

В связи с чинопочитанием стоит вернуться к биографии Карамзина. М. П. Погодин цитирует одно письмо 1799 г., в котором казанский купец и поэт Г. П. Каменев¹² рассказывает одному знакомому о том, как он посещал Карамзина в его московской квартире. Он при этом обращает внимание на общение Карамзина с многолетним другом И. И. Дмитриевым: «Они живут очень дружно и обращаются просто, хотя один поручик <Карамзин>, а другой генерал-поручик <Дмитриев>...».¹³ Визитера удивляет, что оба друга пренебрегают иерархическим строем общества, предусмотренным Табелью о рангах: они общаются друг с другом не как «приличные подданные» Российской империи, а как «люди». Таким же образом поступает Путешественник в своих письмах: его адресаты — друзья и только; чины тут ни при чем. В обществе, которое застыло в иерархических церемониях, такая установка должна была восприниматься или как недопустимая вольность или как освобождение.

Что это за молодой человек?

Возникает вопрос о социальном статусе Путешественника. Однако мы узнаем только, что он дворянин; вспомним его швейцарский паспорт, где он фигурирует как «Gentilhomme Russe». В другом месте мы читаем, что он носит мундир. По этому вид-

¹⁰ См.: *Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility.* New York, 1966. P. 34—121; *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. (Быт и традиции русского дворянства XVIII—начала XIX века).* СПб., 1994. С. 18—45; *Марасинова Е. Н. Психология элиты...* С. 61—94.

¹¹ *Марасинова Е. Н. Психология элиты...* С. 81, 82.

¹² О нем см.: *Лазарчук Р. М. Каменев Г. П. // Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2: (К—П). С. 12—15.

¹³ См.: *Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин.* Ч. 1. С. 308.

но, что он русский (письмо 15: 39), но о чине речи нет.¹⁴ Что же касается дворянского титула, то он мог служить рекомендацией для ученых и писателей, которых Путешественник посещает в пути. Однако можно предположить, что с точки зрения русской дворянской публики, это обстояло иначе: карамзинский Путешественник, 24-летний «Monsieur K*», был «некто» неизвестного чина, чем он значительно отличался, например, от «его высоко-родия господина статского советника» Н. А. Демидова, который путешествовал в 1770-е гг. «по иностранным государствам» и опубликовал свой путевой дневник в 1786 г.¹⁵

Карамзинский «некто» проявляет в своих письмах удивительную уверенность в себе. Не ограничиваясь сообщением того, что он видел и узнавал за границей, он часто сам выходит на передний план, многословно говоря о своих чувствах и меняющихся настроениях. В чувствительной книге путешествий западного автора такое можно было считать к концу XVIII в. литературной конвенцией.¹⁶ Однако подобные сообщения имели для русского читателя другое значение. Это тем более очевидно, что карамзинский Путешественник представлен не как вымышленный, а как реальный, идентичный с автором человек, что в XVIII в. соответствовало жанровому характеру литературного путешествия и отличало его от романного жанра.¹⁷

Душевные излияния Путешественника мотивированы формой дружеского письма¹⁸ — ведь он описывает свои внутренние переживания, обращаясь к любимым друзьям. Первое письмо начинается со знаменитых слов: «Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!» (5).

¹⁴ Карамзин уволился со службы в Преображенском полку в 1784 г., т. е. в возрасте 18 лет, с чином поручика (см.: *Кочеткова Н. Д.* Карамзин Н. М. // *Словарь русских писателей.* Вып. 2: (К—П). С. 33).

¹⁵ См.: *Сводный каталог русской книги: 1801—1825.* М., 2007. Т. 1. С. 276 (далее сокращенно: СК); см. также не утратившую до сих пор свою ценность книгу: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 256—257.

¹⁶ См.: *Baudin R.* Nikolaj Karamzin and François Vernes // *Russian Literature.* 2014. № 75. P. 33—55.

¹⁷ См.: *Batten Ch. L. Jr.* Pleasurable Instruction. Form and Convention in Eighteenth-Century Travel Literature. Berkeley / CA, 1978. P. 5—6, 19—24.

¹⁸ Правда, эти письма носили на самом деле не реальный, а фиктивный характер (см.: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин... С. 149—154); однако это скрывалось от читателя, так что жанровая претензия на фактическую достоверность не пострадала.

Читатель «Писем» оказывается здесь в роли постороннего свидетеля интимной переписки. Такие приемы, правда, в России конца XVIII в. уже не были совсем необычными в переписке друзей или родственников;¹⁹ ср., например, переписку между Карамзиным и Дмитриевым²⁰ или до этого, в 1770-е гг., между Муравьевым и его «сестрицей» (будучи послушным сыном, Муравьев использует совсем другой тон в письмах отцу, обращаясь к нему так: «Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!»).²¹ Однако такие письма не были предназначены для публикации; фамильярные письменные формы были известны широкой публике только из таких западных эпистолярных романов, как «Страдания юного Вертера» Гете и «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо. В книге же русского автора они были новыми и странными.

Автономия частной жизни: семья, дружба, любовь

Карамзин участвовал своими «Письмами» в социально-историческом процессе, в течение которого начинала образовываться в русском дворянском обществе второй половины XVIII в. автономная по отношению к государственной службе культура частной жизни.²² Свободное от службы время было теперь посвящено не только религиозным занятиям или просто отдыху, а предоставляло также возможность проявить себя в таких серьезных сферах, как масонство или благотворительность, не говоря уже о «поэзии святой», о которой мечтает молодой Карамзин в своем программном стихотворении «Поэзия» (1787). С официальной точки зрения, это могло представляться сомнительным: по срав-

¹⁹ См.: *Fraanje M. The Epistolary Novel in Eighteenth-Century Russia.* München, 2001. P. 20—24; см. также: *Кочеткова Н. Д.* Дружеские посвящения в русских изданиях XVIII века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 132—168.

²⁰ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. М., 1866.

²¹ См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 259—377.

²² См.: *Fraanje M. The Epistolary Novel...* P. 32; *Марасинова Е. Н.* Психология элиты... С. 158—201; *Кулакова И. П.* Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей нового времени // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 90—119. Другая концепция частной жизни представлена в работе: *Schönle A. The Scare of the Self: Sentimentalism, Privacy, and Private Life in Russian Culture, 1780—1820* // *Slavic Review.* 1998. Vol. 57. № 4. P. 723—746.

нению с такими занятиями служба могла показаться делом второстепенным. А. Т. Болотов, например, был счастлив, когда смог в 1762 г. наконец оставить военную службу, объединиться в своем поместье и отдаться разнообразным частным интересам, среди них театральным.²³

По мере того как в русском дворянском обществе образовывалась автономная частная сфера, получали новое значение те ценности, которые были дороги сентиментализму — семья, дружба и любовь. Нет сомнения, что все это существовало и до сентиментализма. Однако раньше никому в России не приходило в голову сделать их предметом культа, как это происходит в «Письмах» Карамзина. Письмо 150 содержит идеализирующее описание семейной жизни в Англии. В письме 31 Путешественник навещает живущего под Лейпцигом писателя и педагога Х. Ф. Вейсе, который рассказывает ему о своем семейном счастье со слезами благочестивой благодарности (67). В письме 40 мы находим трогательную сцену матери с младенцем в пасторальной обстановке (86). В письме 54, написанном из швейцарских Альп, сообщается, как один пастор приглашает Путешественника на обед, после которого следуют невинные увеселения в семейном кругу (110—111).

Путешественник посвящает много места и дружбе.²⁴ Мы уже знаем, как в первом письме он прощается с друзьями — это «че-

²³ *Reyffman I. Writing, Ranks and the Eighteenth-Century Russian Gentry Experience // Representing Private Lives of the Enlightenment / Ed. A. Kahn. Oxford, 2010. P. 158—162.*

²⁴ Пока нет монографического исследования русского культа дружбы в XVIII в., см., однако: *Калугин Д. Я. История понятия «дружба» — от древней Руси до XVIII века // Дружба: очерки по теории практик. СПб., 2009. С. 187—289; Кочеткова Н. Д. Дружеские посвящения...; Фреде В. Верность, измена и предательство в дружеской среде: 1790-е гг. // История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 323—339. О культе дружбы в протестантской Германии см.: *Rasch W. Freundschaftskult und Freundschaftsdichtung im deutschen Schrifttum des 18. Jahrhunderts. Halle / Saale, 1936. Культ дружбы сводится здесь в значительной мере к пиетизму. Можно предположить, что место пиетизма занимает в русском обществе масонство, способствующее возникновению этого культа (см.: *Kotchetkova N. D. Le sentimentalisme russe et la franc-maçonnerie // Revue des études slaves. Т. 74. № 4. 2002—2003. P. 696—698).* Вспомним, кстати, что Карамзин провел четыре года до своего путешествия в братской среде московских розенкрейцеров (см.: *Тихонравов Н. С. Четыре года из жизни Карамзина // Тихонравов Н. С. Собр. соч. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 258—275); об аналогичном развитии во Франции см.: Loïselle K. Brotherly Love: Freemasonry and Male Friendship in Enlightenment***

ловеческое», освобожденное от всех иерархических конвенций выражение дружеской преданности. В письме 14 Путешественник чуть ли не с отчаянием реагирует на сообщение, что он не застанет друга «А***» <А. М. Кутузова> в Берлине: «Я бросился на стул и готов был заплакать. Я сам себе казался жалкой сиротой, бедным, несчастным, и единственно от того, что А*** не хотел меня дожидаться в Берлине!» (33—34). Комментируя свою вспышку чувств, Путешественник подчеркивает ее кажущуюся несоразмерность по отношению к поводу: читатель должен понимать, какое центральное место занимает дружба в жизни чувствительного человека.

В письме 84 натуралист и философ Ш. Бонне проливает слезы умиления, рассказывая о своей дружбе с физиологом и поэтом А. фон Галлером: «Тридцать лет любили они друг друга» (184). Наконец читается вслух письмо Бонне, написанное Галлером незадолго до смерти, причем опять текут слезы (там же). В письме 128 Путешественник грустно прощается на пути в Англию не только с Парижем, но и с новым другом, с которым он там познакомился — с В. фон Вольцогеном: «Прости, любезный Париж! прости, любезный В*! Мы родились с тобою не в одной земле, но с одинаким сердцем; увиделись, и три месяца не расставались» (321—322).²⁵ Читатель далее узнает из одной сноски о теплом письме, которое Путешественник получил десять лет спустя в Петербурге от того же Вольцогена (322): десять лет разлуки не смогли разрушить эту дружбу.

Наконец Путешественник обращает в объект культа и любовь. В стихотворном рассказе «Алина» (письмо 126) одноименная героиня совершает самоубийство из-за любви (313—317). Явно сочувствуя Алине, Путешественник игнорирует традиционное в России представление о самоубийстве как смертном грехе; ср. в этом отношении также письмо 85 из Женевы с сочувственным рассказом о загадочном самоубийстве Abbé N* (185—187).

France. Ithaca / NY, 2014. Думается, что с масонской средой связана также нелюбовь Карамзина к чинам; о масонском культе равенства и дружбы см.: *Faggionato R. A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-Century Russia. The Masonic Circle of N. I. Novikov. Dordrecht, 2005. P. 60, 134, 140.* См. также тексты масонских песен в статье: *Позднеев А. В. Ранние масонские песни // Scando-Slavica. 1962. Т. 8. P. 41—42, 45, 55, 57, 59.* В этих песнях масонские идеалы равенства и дружбы противопоставлены «чинам» и «гордости».

²⁵ См.: *Леман У. Н. М. Карамзин и В. фон Вольцоген // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 267—271.*

В «Письмах русского путешественника» любовь выше не только жизни, но и традиционного брака. Счастливый финал рассказа о средневековом графе фон Глейхене — это брак втроем. Его благородная супруга говорит прекрасной сарацинке, которая спасла жизнь графа, с крайней и тем более эффектной простотой: «...супруг мой будет твоим супругом; разделим сердце его» (письмо 36: 81). Мораль этого рассказа заключается в том, что заслуживают нашей симпатии все проявления любви, если она только искренна и глубока.²⁶ в письме 111 Путешественник сочувствует Мадам де Лавальер, несчастной любовнице Людовика XIV, так же сердечно, как в письме 124 и «милрой Гавриели» д'Эстре и ее любовнику Генриху IV (308, курсив автора). Радикальный сентиментализм проявляет здесь свой антитрадиционный потенциал.

Любовь нарушает в «Письмах» также и сословные границы.²⁷ В письме 100 речь идет о парижских театрах. Путешественник сообщает здесь о постановке одной мелодрамы, главным героем которой является Петр I. Тронутый до слез, Путешественник не может не рассказать сюжет этой пьесы. Петр влюбляется в «прелестную Катерину», свою будущую супругу и преемницу на российском престоле. Это — «молодая, добродетельная вдова», которая живет в деревне, где ее «нежно» любят «поселяне». Дидактический замысел сюжета раскрывается наперсником царя Лефортом, который обращается к нему со следующими словами: «Бедная крестьянка будет супругой моего Императора! Но ты во всех своих делах беспримерен; ты велик духом своим; хочешь возвысить в отечестве нашем сан человека, и презираешь суетную надменность людей; одно душевное благородство достойно уважения в глазах твоих; Катерина благородна душою — и так да будет она супругой моего Государя, моего отца и друга!» (239).

Эта надсословная мораль выражается, наконец, и в сердечных излияниях Путешественника: душевная жизнь отдельного человека обладает высокой моральной ценностью, сколь бы

²⁶ О самоубийстве от любви в «Бедной Лизе» и об инцесте в «Острове Борнгольме» см.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина... С. 207—208. См. также: Фраанье М. Г. Прощальные письма М. В. Сушкова. (О проблеме самоубийства в русской культуре XVIII века) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 147—167.

²⁷ См.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 58—74.

незначительным ни было его место в обществе. Настроения и чувства «Monsieur K*» могут поэтому претендовать на такой же интерес и такое же сочувствие, как и крестьянская героиня Карамзина — «Бедная Лиза».

«Французолобие»

Французская революция началась, как известно, со взятия Бастилии 14 июля 1789 г., т. е. примерно за восемь месяцев до прибытия Путешественника в Париж в марте 1790 г. За это время революция как будто успокоилась; историки говорят о «счастли-вом годе».²⁸ Путешественник может теперь спокойно отдаваться своим туристическим интересам. Когда же он заводит речь о революции, что бывает не часто, он соблюдает осторожность, выступая как лояльный подданный российской монархии. Его интерес к заседаниям Национальной ассамблеи отличается умеренностью (письмо 127: 317—319); в другом месте он упоминает «ужасы Революции» (письмо 97: 224), сочувствует печальному положению королевской семьи (225) и осуждает любопытную толпу, которая вторгается в королевскую квартиру в Тюильри (письмо 102: 246—247).

Однако это не значит, что Путешественник отказался от собственного своенравия. Дело тут в русской галлофобии, которая заметно усилилась в 1790-е гг. под впечатлением революции.²⁹ На этом фоне эмоциональное отношение Путешественника к Франции получает вызывающую окраску. Так, например, когда он, прибыв в Париж, восклицает с восторгом: «*Я в Париже!*» и продолжает, не жалея слов: «Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... *я в Париже!* говорю я...» (письмо 96: 217, курсив автора). Правда, Путешественник в дальнейшем вполне способен критиковать некоторые черты национального характера французов. Но он относится к ним в основном с большой симпатией и даже любовью. В письме 128 он прощается с Парижем такими словами: «Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностью!» (321). Далее он обращается к своим адре-

²⁸ См.: Furet F., Richet D. La Révolution française. Paris, 1963.

²⁹ См.: Kotchetkova N. D. Karamzin entre gallomanie et gallophobie // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les «Lettres d'un voyageur russe». Paris, 2014. P. 215.

сатам: «Наконец скажу вам, что, выключая мои обыкновенные маланхолическия минуты, я не знал в Париже ничего, кроме удовольствий» (322).

Однако если задуматься о возможной реакции русских читателей на такие излияния, то следует учесть хронологические данные. «Письма» печатались сначала в «Московском журнале» (1791—1792) Карамзина и в его альманахе «Аглая» (1794—1795). Однако это были, прежде всего, письма из Германии и Швейцарии, среди них только некоторые — из Франции.³⁰ Полное издание «Писем» было предусмотрено на 1797 г. в рамках шеститомника небольшого формата. Однако политический климат Франции очень ухудшился за это время: в январе 1793 г. Людовик XVI был казнен, и с начала июня того же года до июля 1794 свирепствовал якобинский террор с его массовыми убийствами. Может быть, Карамзину повезло в том, что в 1797 г. прошли русскую цензуру только первые четыре тома «Писем», а последние два тома с письмами из Франции пока не смогли увидеть свет: ведь Карамзин имел все основания бояться российских властей из-за своего путешествия в революционную Францию.³¹

Однако, как видно из второй версии кронштадтского письма 1797 г., чувства Путешественника не изменились за это время. Его любовь к французам приобретает здесь принципиальный, хотя и несколько оборонительный, характер: «Я люблю мое отечество, но да будет мне позволено любить также и этот народ с его обольстительным обращением, которое вечно будет привлекать иностранцев во Францию» (454). Несколько ниже мы читаем, что французский народ: «не <...> перестанет быть тем, чем он сейчас является в моих глазах: *самым любезным* из всех народов» («*la plus aimable de toutes les nations*»: 455, курсив автора). Как видим, космополитическое отрицание галлофобии превалирует здесь над осуждением революционных крайностей. Можно сказать, что дерзкий «Monsieur К*» упорствует в своей галлофильской позиции, несмотря на все обстоятельства.

Последние два тома «Писем» смогли выйти только в 1801 г., когда наступила культурная оттепель с восшествием на российский престол Александра I. Однако Россия воевала теперь против наполеоновских войск в рамках Второй коалиции (1799—1802). Русская нелюбовь к французам нашла обильную пищу и в следующие годы, особенно, конечно, в 1812-м. Один анонимный патриот

³⁰ См.: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин... С. 59—160.

³¹ Там же. С. 559—560.

опубликовал в 1813 г. сатирическое стихотворение «Галлоруссия». Здесь мы читаем о Карамзине: «Вот путешественник, кто кистию своей / Французолубие в нас вечное посеял».³²

«Великие мужи», миролюбие и истинная слава

Бросается в глаза, как интенсивно занимает карамзинского Путешественника Петр I, особенно в письмах 89, 100 и 103. Путешественник обожает великого царя, однако обосновывает это чувство очень необычным образом. В письме 100 с чувствительной историей о Петре и «прелестной Катерине»³³ это не более заметно, чем в письме 89, о котором сейчас пойдет речь. Путешественник находится в Лионе, где памятник Людовику XIV вдохновляет его на патриотическое сравнение с Петром I (198—200). Он считает, что Петр способствовал образованию своих подданных в гораздо большей мере, чем Людовик. Кроме того, Людовик упрекается в том, что принудил «тысячи трудолюбивых Французов», т. е. своих протестантских подданных, покинуть страну — имеется в виду отмена Нантского эдикта в 1685 г. Петр, напротив, «привлек в свое государство искусных и полезных чужеземцев». Путешественник приходит к следующему выводу: Людовика «уважаю как сильного Царя <...> а Петра почитаю как великого мужа, как Героя, как благодетеля человечества, как моего собственного благодетеля»; последнее явно относится к петровской европеизации России, которая принесла пользу и Путешественнику (198—199).

«Благодетель человечества» — это странная похвала Петру I. Почему не «благодетель России»? Путешественник выступает здесь в качестве космополита. Но чтобы охарактеризовать Петра-«благодетеля» в этом духе, он должен игнорировать военные достижения царя, которого представил в письме 100 также не как

³² См.: Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана. Подгот. текста М. Г. Альтшуллера. Вступ. заметки, биографич. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 785. Указанием на этот текст я обязан статье: *Лотман Ю. М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 125.

³³ См. комментарий Лотмана, который отмечает в этом письме дальнейшее и не менее поразительное отклонение от принятого в России XVIII в. образа Петра (см.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника... С. 651—652).

воина, а как образцового любовника. Однако именно эти достижения составляли в XVIII в. одну из главных, если не главную черту русского образа Петра I: создание флота, реформа войска, эпохальная победа над шведами под Полтавой и расширение государственной территории на запад.³⁴

Очевидно, что Путешественник хочет представить Петра I как миролюбивого правителя — наперекор всем принятым представлениям. В этом выражается, как мы еще увидим, общая идеологическая тенденция «Писем» — тенденция принципиального и часто подчеркиваемого миролюбия.³⁵ Эта установка соответствовала настроениям европейского Просвещения и выразилась в России в многочисленных переводах антивоенной литературы.³⁶ Правда, миролюбие не мешает Путешественнику носить свой мундир и гордиться военными успехами русской армии в Семилетней войне (письмо 6: 13). Он также не прочь оказать должную честь знаменитым полководцам, включая генералов Фридриха II (письмо 14: 35). Кроме того, Путешественник отличает «праведные» войны от «неправедных»: бургундский герцог Карл Смелый — «*Дерзостный*» — был «бичом человечества» и «ужасом соседственных народов». Его победили храбрые швейцарцы в 1476 г. под городом Муртенем (письмо 72: 146, курсив автора). Однако Путешественника возмущает, что победители отказали погибшим врагам в погребении, не считая их людьми, «братьями».³⁷ Он, напротив, представляет себе соответствующий памятник со следующим эпитафием: «*Здесь Швейцары сражались за свое отечество, победили, но сожалели*

³⁴ О русской рецепции Петра I в XVIII в. см.: *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства: XVIII век. СПб., 1912. Т. 1; *Riasanovsky N. V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York; Oxford, 1985; *Стенник Ю. В.* Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии / Отв. ред. С. И. Николаев. СПб., 2006. С. 3—50.

³⁵ Несколько примеров см. в статье: *Black J. L. N. M. Karamzin, Napoleon, and the Notion of Defensive War in Russian History* // *Canadian Slavonic Papers*. 1970. Vol. 12. № 1. P. 35.

³⁶ *Schippan M.* Katharina II. und die Rezeption des europäischen Friedensdenkens im Zarenreich // *Katharina II., Rußland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung* / Hrsg. C. Scharf. Mainz, 2001. S. 251—274.

³⁷ Карамзин не учитывает здесь то, что, возможно, перед ним так называемый oss[u]arium: в Средневековье трупы выкапывались через несколько лет после похорон, чтобы освободить место для других покойников, и перевозились в так называемые костехранилища, см.: *Ariès Ph.* L'homme devant la mort. Paris, 1977. P. 41—42.

ли о побежденных» (там же, курсив автора). Мотив гуманного ведения войны возникает также в одном из берлинских писем, где Путешественник рассказывает о благородном поведении русских офицеров по отношению к прусскому офицеру и поэту Э. фон Клейсту, смертельно раненому в Семилетней войне (письмо 15: 39).

В целом поражает настойчивость, с которой Путешественник утверждает свое миролюбие. Как явствует из его разговора с одним прусским офицером в западно-прусском городе Мариенбурге, он прекрасно знает, что Россия вела во время его путешествия, т. е. в 1789—1790 гг., войну на двух фронтах (письмо 9: 24) — против Османской империи (с 1787) и против Швеции (с 1788). Кроме того, в 1790 г. грозила опасность еще одной войны — с Тройственным союзом Великобритании, Польши и Пруссии.³⁸ Поэтому хозяин трактира в померанском городе Керлин спрашивает своих гостей, среди которых Путешественник и несколько прусских офицеров: «Что, будет ли у нас война, Господа Офицеры?» (письмо 13: 30).

В письме 9, написанном в западно-прусском городе Мариенбурге, Путешественник рассказывает о горячем споре с прусским офицером, в котором он увлекся пацифистской тирадой об «ужасах войны», но должен был наконец признаться с грустной иронией, что его «красноречие» не произвело никакого впечатления на воинственного собеседника (24). Однако миролюбие Путешественника получает в том же письме и вполне серьезное, никак не ироничное выражение. Открыв вблизи Мариенбурга общину анабаптистов, он говорит об этих сектантах с налетом библейского пафоса: «Хвалят их нравы, миролюбие и честность. Рука их не подымается на ближнего. Кровь человеческая, говорят они, вопиет на небо» (26).

Можно привести еще целый ряд примеров, в которых миролюбие Путешественника выражается не менее отчетливо. Так, например, в письме 13 Путешественник осматривает в западно-померанском городке Кеслин памятник прусскому королю Фридриху Вильгельму I (1688—1740), что вдохновляет его к небольшой речи в похвалу этому монарху (30). Сравнивая Фридриха Вильгельма с его более известным сыном Фридрихом II, Путешественник затрагивает тему «истинного величия»:

³⁸ *Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. London, 1982. P. 413—426* (Рус. пер.: *Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 658—681*).

«Не знаю, кого справедливее можно назвать *великим*, отца или сына, хотя последнего все без разбора *величают*» (там же, курсив автора). Нет сомнения, кому здесь приписывается истинное величие — не сыну, а отцу. Путешественник перечисляет в качестве его заслуг основание мануфактур, открытие границ для трудолюбивых иноземцев, — что роднит прусского короля с Петром Великим, — и бережливость. Путешественник при этом прибегает к риторическим вопросам, сформулированным с эффектной краткостью, как например: «Кто всегда отходил от войны?». Не менее лапидарный ответ гласит: «Фридрих Вильгельм!» (30).³⁹

Бережливость прусского короля содержит возможный намек на Екатерину II и на чрезвычайную роскошь ее двора. Такой же намек связан с миролюбием Фридриха Вильгельма: критика направлена не только против Фридриха Великого, получившего этот титул за свои военные подвиги,⁴⁰ но также против Екатерины II и ее воинственной политики. В ее царствование имели

³⁹ Приведем еще несколько примеров, чтобы подчеркнуть значение темы миролюбия в карамзинских «Письмах». Посещая в швейцарском городе Берне «славный Цейггауз», Путешественник критикует Средневековье как эпоху, когда храбрость считалась самой высокой добродетелью, когда, другими словами, «число побед бывало числом достоинств человека» (письмо 71: 145). Письмо 139 относится к актуальности Русско-шведской войны. Путешественник посещает в Лондоне Королевское общество и наталкивается там на молодого шведа. Сразу понимая, что перед ним русский, этот швед берет его за руку и говорит «с улыбкою: „Здесь мы друзья, государь мой; храм наук есть храм мира“. Я засмеялся, и мы обнялись по-братски» (345). Это письмо датировано июнем 1790 г., т. е. когда Шведская война еще не кончилась; мир был заключен только 3 августа того же года. Наконец стоит упомянуть тот небольшой эпизод письма 137, когда Путешественник произносит тост на обеде у русского консула в Лондоне: «*<В>ечный мир и цветущая торговля!*» (338; курсив автора). Можно добавить, что миролюбивый Путешественник нашел в Англии русского ровесника-единомышленника, который фигурирует под инициалом «М*». Имеется в виду В. Ф. Малиновский (1765—1814), который находился в Англии одновременно с Карамзиным и общался с ним (см.: *Cross A. G. Whose Initials? Unidentified Persons in Karamzin's Letters from England // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1978. № 6. P. 26—36*). Вполне возможно, что они разговаривали о первой части «Рассуждения о войне и мире», которую Малиновский тогда писал (см.: *Ferretti P. A Russian Advocate of Peace: Vasilii Malinovskii (1765—1814). Dordrecht; Boston; London, 1998. P. 36—37*).

⁴⁰ См.: *Schieder Th. Friedrich der Große. Ein Königtum der Widersprüche. Frankfurt / M., 1983. S. 478.*

место до 1790 г. две Русско-турецкие войны (1768—1774, 1787—1791), война против Швеции (1788—1790) и в 1768 г. военная интервенция в Польше. Из этих войн можно считать оборонительной только Шведскую, остальные же служили территориальной экспансии и другим интересам имперской власти. О неодобрительном отношении Путешественника к императрице говорит также то, что он редко упоминает ее имя, и то лишь мимолетно (159, 200, 270).⁴¹ Так, Путешественник остается в стороне, когда русские поэты без усталости воспевают добродетели и подвиги Екатерины II, создавшей для своих подданных «золотой век».⁴²

Как мы видим, Путешественник приписывает Фридриху Вильгельму I историческое величие, которого он не признает ни за его сыном Фридрихом II, ни за, как можно предположить, Екатериной II. Этим самым он выступает не только против этих двух монархов, но и против традиционного в России содержания данного понятия. С точки зрения Путешественника, историческое величие является не делом войны, а делом мира, что соответствует распространенному представлению европейского Просвещения. Вольтер, например, называет «великими мужами» те персоны, которые «отличались полезной или приятной деятельностью», противопоставляя их разорителям провинций, являвшимися «лишь героями», причем слово «герой» снижается, лишаясь своего традиционного ореола.⁴³

⁴¹ См.: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин... С. 542. Автор подчеркивает, что Карамзин, которого он отождествляет с Путешественником, «демонстративно-восторженно, словно в пику монархине, восхвалял <...> Петра Великого!».

⁴² См.: *Baehr S. L.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford / CA, 1991. P. 66—68; *Клейн И.* Похвала властителю. Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // *Slověne (Словѣне)*. 2015. №. 4. С. 36—71

⁴³ См. письмо Вольтера от 15 июля 1735 г. к Никола-Клоду Тьеро: «J'appelle grands hommes tous ceux qui ont excéllé dans l'utile ou dans l'agréable. Les saccageurs de provinces ne sont que héros» (см.: *The Complete Works of Voltaire / Ed. Th. Besterman et al.* Genève, 1969. Vol. 87. P. 1174). См. также французскую Энциклопедию: *Jaucourt L. de.* Héros // *Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / Ed. D. Diderot, J.-B. le Rond d'Alembert.* Paris, 1757 T. 8. P. 182; *Diderot D.* Héroisme // *Ibidem.* P. 181. Дидро говорит здесь также об «истинном величии» («véritable grandeur»); см., наконец: *Малиновский В. Ф.* Рассуждение о мире и войне // *Малиновский В. Ф.* Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958. Т. 1. С. 53—57. Французскую дискуссию об этой теме см.: *Воп-*

В одном из швейцарских писем понятие «истинного величия» наряду с аналогичным понятием «истинной славы» подвергается Карамзиным еще одному перетолкованию. Речь идет здесь о С. Геснере, знаменитом тогда авторе чувствительных идилий, который умер в 1788 г., т. е. незадолго до прибытия Путешественника в Швейцарию. Путешественник находится в Цюрихе, родном городе поэта, где сидит на берегу реки Лиммата «под высокою липою, против самого того места, где скоро поставлен будет монумент Геснеру». Вынув из кармана книгу Геснера, Путешественник приводит из нее следующий фрагмент о великой миссии поэзии и поэта:

Потомство справедливо чтит урну с пеплом Песнопевца, которого Музы себе посвятили, да учит он смертных добродетели и невинности. Слава его, вечно юная, живет и тогда, когда трофеи завоевателя гниют во прахе, и великолепный памятник недостойного Владетеля среди пустыни зарастает диким терновым кустарником и седым мхом...

После этих сентенций в похвалу поэзии и поэтов Геснер говорит также о себе и своем стремлении к «величию»:

Хотя, по закону Натуры, не многие могут достигнуть до сего величия, однакож похвально стремиться к оному. Уединенная прогулка моя и каждый уединенный час мой да будут посвящены сему стремлению! (58: 124—125).

Ясно, что дерзкий «Monsieur K*» относит слова «незабвенного» Геснера, которые он так обстоятельно цитирует, без ложной скромности и к себе, и своему будущему. Заслуживает внимания, что в этом тексте встречается кроме «истинного величия» еще одно общее место Просвещения, которое было также хорошо известно в России — это противопоставление «истинной славы» миролюбивого правителя «ложной славе» завоевателя.⁴⁴ Однако

net J.-C. Naissance du Panthéon. Essai sur le culte des grands hommes. Paris, 1998; Bell D. Canon Wars in Eighteenth-Century France: The Monarchy, the Revolution and the «Grands Hommes de la Patrie» // Modern Language Notes. 2001. Т. 116. № 4. P. 705—738.

⁴⁴ См. примеры в статье: Клейн И. Похвала властителю... С. 62. Главную роль в распространении этого общего места сыграл кроме хорошо известной в России «Оды на счастье» Ж.-Б. Руссо роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака». Оба текста были переведены, как известно, на русский язык в XVIII в. не один раз; см. о понятии «истинной славы» в: Fénelon F. de Salignac de La Mothe. Les Aventures de

в цитате из книги Геснера противопоставляется завоевателю не миролюбивый правитель, как можно было бы ожидать, а миролюбивый поэт: «истинная слава» и «истинное величие» приписываются не воину, а кроткому поэту Геснеру. Это — карамзинский вариант культа «великих мужей».

Представления Путешественника о величии и славе служат в «Письмах» определенной программе. Она заключается в необходимости повышения престижа культурных заслуг в России, т. е. в стране, где самым большим престижем обладало военное звание, как и в тогдашней Пруссии.⁴⁵ Путешественник был, правда, не первым русским, кто преследовал такую цель. Сумароков смело утверждает в письме Екатерине II от 25 февраля 1770 г., что писатели способствуют отечественной славе не меньше, чем победоносные полководцы.⁴⁶ В свою очередь мысль о высокой ценности культурных заслуг объясняет те визиты, которые Путешественник наносит разным культурным деятелям в Германии и Швейцарии. Этими визитами он не следует распространенной тогда в Швейцарии и Германии моде, которая превратила знаменитых поэтов и мыслителей в достопримечательности.⁴⁷ Он, напротив, руководствуется дидактическим замыслом, демонстративно оказывая этим людям должную честь. Путешественник представляется в Кенигсберге «славному Канту» следующими словами: «Я Руской Дворянин, люблю великих мужей, и желаю изъявить мое почтение Канту» (8: 20). Подобный же дидактический смысл имеют посещения Путешественника таких мемориальных мест, как Эрменонвиль, где скончался Руссо (письмо 124).

Благодаря всему этому в «Письмах» возникает нечто вроде европейского пантеона «великих мужей». В свою очередь мирное величие этих культурных деятелей конкурирует с тем понятием величия, к которому привыкли в России — величия Петра I

Télémaque / Éd. J. Le Brun. Paris, 1995. P. 157, 180, 200, 293, 328, 371 и след.

⁴⁵ См.: *Keep J. L. H. The Origins of Russian Militarism // Cahiers du monde russe et soviétique. 1985. № 26. P. 5—19.*

⁴⁶ См.: Письма русских писателей... С. 136. В связи с повышением престижа культуртрегеров в России XVIII в. см.: *Клейн И. Поэт-самохвал... С. 501—504; Основат К. Государственная словесность. Ломоносов, Сумароков и литературная политика И. И. Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа и Россия. Сб. статей. М., 2010. С. 6—65.*

⁴⁷ См.: *Weiss R. Das Alpenerlebnis in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts. Zürich; Leipzig, 1933. S. 67; Коштен А. Немецкий писатель Карамзин // Новое литературное обозрение. 2003. Т. 60. С. 101—103.*

и Екатерины II. Во второй версии кронштадтского письма Путешественник говорит о «великих людях» с особенным пафосом: он наделяет их тем нимбом святости, которым в светской русской культуре XVIII в. могли быть наделены только коронованные персоны:⁴⁸

Я видел великих людей, и их священные образы <leur image sacrée> навсегда запечатлелись в моей душе, боготворящей все, что есть прекрасного в природе человека (455—456).

Экскурс: молодой Карамзин и Екатерина II

<Война> «есть адское чудовище, которого следы повсюду означаются кровью, которому везде последует отчаяние, ужас, скорбь, болезни, бедность и смерть».⁴⁹

Как мы видели, карамзинский Путешественник настроен критически по отношению к Екатерине II. Сиповский говорит по праву, хотя с определенной натяжкой, что Путешественник восхищался Петром I, однако «не только не обмолвился ни одним хвалебным словом по адресу Екатерины, но даже косвенно напал на нее очень энергично».⁵⁰ Путешественник в этом отношении разделяет убеждение своего автора, молодого Карамзина, который «был весьма последователен в своем отрицательном отношении к завоевательной политике Екатерины II».⁵¹ Поэтому они оба, Путешественник и его автор, примыкают к той «оппозиции против войны и экспансии», которая сложилась против беллицизма Екатерины II к концу ее царствования. К этой оппозиции принадлежал и Радищев со своим «Путешествием из Петербурга в Москву».⁵² Однако в случае молодого Карамзина, как мы еще увидим, эта позиция оказалась недолговечной.

⁴⁸ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог: (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 205—337.

⁴⁹ Малиновский В. Ф. Рассуждение... С. 41.

⁵⁰ Сиповский В. В. Н. М. Карамзин... С. 457.

⁵¹ См. коммент. в изд.: Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 392—393.

⁵² Jones R. E. Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth-Century Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 32. Neue Folge. 1984. S. 46—49; автор имеет в виду главы «Городня» (ужасы рекрутчины) и «Спасская Полесь» (война).

Карамзин был среди русских поэтов второй половины XVIII в. одним из очень немногих, кто не посвятил Екатерине II ни одной панегирической оды (написанные им панегирические оды были посвящены Павлу I и Александру I). Карамзин сочинил об этом специальное стихотворение, «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду великой Екатерине».⁵³ Перед нами так называемая «*recusatio*» — восходящая к древнеримской традиции формула вежливого отказа от написания панегирика властелину.⁵⁴ «Ответ моему приятелю» — изящно сформулированный отказ от поэтического культа императрицы.⁵⁵

Карамзин также не хотел воспевать многочисленные победы, одержанные российскими войсками в екатерининских войнах, что отличает его от подавляющего большинства русских поэтов XVIII в.⁵⁶ Его антипатия к войне и военной сфере находит яркое выражение в автобиографической части стихотворного «Послания к женщинам» 1795 г.⁵⁷ Таким же духом пронизана «Военная песнь»,⁵⁸ написанная Карамзиным в 1788 г. «при начале Шведской войны».⁵⁹ Его миролюбивые чувства выражены и в «Песне мира» 1791 г.⁶⁰ Это — подражание знаменитому гимну Шиллера «К радости», написанное по поводу конца Второй турецкой войны и заключения Ясского мира. Правда, Карамзин был в этом случае якобы не прочь следовать примеру других поэтов, которые также воспевали такие события.⁶¹ Этой практике соответ-

⁵³ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений... С. 126—127.

⁵⁴ См., например, сатиру I книги II, в которой Гораций изящно отклоняет рекомендацию своего адресата написать панегирик императору (см.: *Lefèvre E. Horaz. Dichter im augusteischen Rom. München, 1993. S. 114*).

⁵⁵ См. комментарий Лотмана в кн.: Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений... С. 387. Другую интерпретацию карамзинского стихотворения см. в статье: Денэ М. «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792—1793 годов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 289—292; Шруба М. Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина // Там же. С. 300—303; Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 356—357.

⁵⁶ См.: Клейн И. Торжествующая Россия: Военная поэзия XVIII века // Slověne = Словьне. 2018. № 1. С. 174—210.

⁵⁷ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений... С. 170.

⁵⁸ Там же. С. 67—68.

⁵⁹ Там же. С. 379 (коммент. Ю. М. Лотмана).

⁶⁰ Там же. 106—108.

⁶¹ См., например: Майков В. И. Ода государыне Екатерине Алексеевне на заключение вечного мира между Российской Империей и Оттоманскою Портою июля дня 1774 года // Майков В. И. Избранные сочинения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. В. Западова. М.; Л., 1966. С. 240—247;

ствуется в данном случае и первоначальная публикация текста отдельным праздничным изданием.⁶² Отличие заключается в том, что Карамзин никому не посвятил свое стихотворение, тем более Екатерине II.⁶³ В самом тексте он ограничивается развитием лирической темы, т. е. радости о мире, но воздерживается от привычных в таких случаях восхвалений императрице как миролюбивой правительнице.⁶⁴

Мы находим особенно яркое свидетельство антивоенных и антиекатерининских чувств молодого Карамзина в убедительно, на наш взгляд, приписываемой ему небольшой статье о Петре III, опубликованной через год после смерти императрицы на французском языке в «Spectateur du Nord» 1797 г. под заглавием «Lettre au Spectateur sur Pierre III». В конце этой статьи заходит речь о воинственной политике Екатерины II. Автор саркастически возмущается большим числом «мужчин, женщин и детей, которые заплатили жизнью за тридцать лет этого славного царствования в Польше, Швеции, Турции, Персии⁶⁵ и более всего в России».⁶⁶

Так думал молодой Карамзин; в более поздние годы его позиция резко изменилась. Это видно по его «Историческому похвальному слову Екатерине Второй» (1802).⁶⁷ В начале первой части сказано с эффектным пафосом: «Сколь часто Поэзия, Красноречие и мнимая Философия гремят против славолюбия завоевателей! Сколь часто укоряют их бесчисленными жертвами сей

Петров В. П. На торжество мира // Петров В. П. Сочинения. СПб., 1811. Т. 2. С. 116—138.

⁶² СК. Т. 2. С. 19 (№ 2820).

⁶³ Карамзин отличается этим от Майкова и Петрова, которые в первом — отдельном — издании следовали традиции, посвящая свои оды на Яский мир Екатерине II (См.: СК. Т. 2. С. 197 (№ 3919), 409 (№ 5257)).

⁶⁴ См.: Клейн И. Торжествующая Россия... С. 189—191.

⁶⁵ Это относится к Русско-персидской войне 1796 г.

⁶⁶ Данная статья была открыта и убедительно атрибутирована Лотманом Карамзину и опубликована в русском переводе. Ее текст см. в изд.: Лотман Ю. М. Черты реальной политики... С. 127; другое мнение об атрибуции см.: Бодюс Ф де, Сомов В. А. Амабль де Бодюс. Monsieur «Le Spectateur du Nord» и его русские знакомства // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 275.

⁶⁷ См.: Schippan M. Nikolaj Karamzins literarisches und historisches Werk: Istoričeskoe pochval'noe slovo Ekaterine / Lobrede auf Catharina die Zweyte (1802) // «Ljublju Tebja, Petra Tvoren'e» / «Ik Hou van jou, Peters Creatie»: Festschrift v čest' Emmanuělja Waegemans / Festschrift voor Emmanuel Waegemans. Amsterdam, 2016. P. 337—357.

грозной страсти! Но истинный Философ различает, судит и не всегда осуждает». ⁶⁸ Полемический оборот «мнимая Философия» нацелен на просветительские идеи, которые ассоциировались в XVIII в. с понятием философии; тогда каждый просветитель был «филосо́фом» (с французским ударением). Однако полемика против филосо́фов относится здесь и к самому Карамзину, который еще не так давно также гремел «против славолюбия завоевателей» и укорял их, говоря о «бесчисленных жертвах сей грозной страсти». Карамзин-ритор восхищается в дальнейшем российскими победами в турецких войнах и военной кампанией против «наглой и злобной Польши», ⁶⁹ имея в виду войну 1794 г. против польских повстанцев.

Изменение политической позиции Карамзина тем более поразительно, если прочесть его панегирическую оду, посвященную за год ранее, в 1801 г., Александру I по поводу его восшествия на российский престол. ⁷⁰ Лирический субъект обращается в восьмой строфе со страстным увещанием к молодому императору, причем использует слово «герой» в известном нам уже антивоенном смысле:

Монарх! довольно лавров славы,
 Довольно ужасов войны!
 Бразды Российския державы
 Тебе для счастья вручены.
 Ты будешь гением покоя;
 В тебе увидим мы героя
 Дел мирных, правоты святой.
 <...>

Эволюция политического сознания Карамзина поразительна своей неожиданностью и своим радикализмом; о его новой позиции свидетельствуют и другие сочинения. ⁷¹ Вопрос о при-

⁶⁸ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 14—15.

⁶⁹ Там же. С. 26.

⁷⁰ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений... С. 261—264.

⁷¹ См.: Black J. L. N. M. Karamzin... P. 31—33. Автор сводит миролюбие молодого Карамзина к влиянию московских масонов; дальнейшее развитие Карамзина он объясняет впечатлением от революционных войн и войны против Наполеона. Об интеллектуальном развитии Карамзина см. также: Mitter W. Die Entwicklung der politischen Anschauungen Karamzins // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1955. Bd. 2. S. 165—285; Лотман Ю. М. Колумб русской истории // Лотман Ю. М. Избранные статьи.

чинах этого развития выходит за рамки данной работы. Однако тот факт, что Карамзин видел царствование Екатерины II после тиранства ее преемника Павла I другими глазами, едва ли может служить достаточным объяснением.

Таллин, 1992. Т. 2. С. 216—217; *Китаев В. А.* Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 171—195.